

© 2026. О. А. Богданова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

**Историософия усадьбы
в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»
(*усадьба и лес vs усадьба и степь*
в историко-культурной ретроспективе)**

Аннотация: Впервые в науке роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» анализируется в свете усадьбной топики. В сюжете произведения выявлены повторяющиеся элементы: Петербург как место действия в настоящем времени обрамлен в прошлом *лесной* усадьбой, где выросла героиня, а в будущем — *степной* усадьбой, куда она уезжает жить с мужем. В отличие от интерпретаций брака Вареньки с Быковым как пути к неминуемой смерти, утверждается положительный для героини смысл этого события. С опорой на критику 1840-х гг. пересматривается семиотика образа Быкова в сторону олицетворения *степи*. Обращение к ретроспективному методу, предложенному японским ученым Т. Кинóситой, позволяет увидеть в репрезентации *леса* и *степи* (условно Европы и Азии) раннее проявление историософской концепции Достоевского о важности для России не только исконных *лесных*, но и присоединенных *степных*, азиатских пространств, обеспечивающих духовную независимость от Европы. Сделан вывод о том, что с помощью символического сюжета о пути Вареньки из *лесной* усадьбы — через инициацию Петербургом как воплощением имперской идеи — в *степной* простор передается общая судьба России, сложность и кризисность ее исторического роста и героизм евразийской миссии.

Ключевые слова: литературная усадьба, усадьба и лес, усадьба и степь, Ф. М. Достоевский, роман «Бедные люди», ретроспективный подход, Россия, Евразия

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.03.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.05.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Богданова О. А. Историософия усадьбы в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (*усадьба и лес vs усадьба и степь* в историко-культурной ретроспективе) // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 66–87. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-66-87>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 66–87. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 66–87. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Olga A. Bogdanova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Historiosophy of the Estate in Fyodor Dostoevsky's Novel "Poor People": *Estate and Forest vs Estate and Steppe* in Historical and Cultural Retrospective

Abstract: For the first time in scholarship, Fyodor Dostoevsky's novel "Poor People" is analyzed from the perspective of the estate's topography. Recurring elements are revealed in the plot of the work: St. Petersburg as a place of action in the present tense is framed in the past by the *forest estate* where the heroine grew up, and in the future by the *steppe estate* where she goes to live with her husband. Unlike interpretations of Varenka's marriage to Bykov as a path to inevitable death, the article establishes the positive meaning of this event for the heroine. Additionally, based on the literary criticism of the 1840s, the article revises the semiotics of Bykov's character as the embodiment of the steppe. The use of the retrospective method proposed by the Japanese scholar T. Kinoshita allows us to see in the representation of the *forest* and the *steppe* (conventionally Europe and Asia) an early manifestation of Dostoevsky's historiosophical concept about the importance for Russia of not only its original *forest* territories but also the annexed *steppe* and Asian spaces, ensuring its spiritual independence from Europe. It is concluded that the symbolic plot of Varenka's journey from the *forest* estate, through initiation in Petersburg as the embodiment of the imperial idea, to the *steppe* expanse, conveys the common fate of Russia, the complexity and crisis of its historical growth, and the heroism of the Eurasian mission.

Keywords: literary estate, Estate and Forest, Estate and Steppe, F. M. Dostoevsky, novel "Poor People," retrospective approach, Russia, Eurasia

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Received: March 10, 2026

Approved after reviewing: May 27, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Bogdanova, O. A. "The Historiosophy of the Estate in Fyodor Dostoevsky's Novel 'Poor People': *Estate and Forest vs Estate and Steppe* in Historical and Cultural Retrospective." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 66–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-66-87>

Благодаря недавним исследованиям, в частности книгам «Даровое Достоевского: материалы и исследования» [Даровое Достоевского] и «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского» [Борисова, Шаулов, Юхнович], стало очевидным, что идеал жизнеустройства Достоевский видел в семейной сельской усадьбе, освобожденной от социальных несовершенств (крепостничества, барства, угнетения). Эта мечта овладела им еще в детстве, в месяцы, проведенные в подмосковном родительском имении Даровом, и оставалась настолько сильной и глубокой, что в последнее десятилетие жизни заставила писателя, в ущерб спокойствию и здоровью, настаивать на своей доле земельного наследства, оставшегося от богатых родственников Куманиных, для проживания в усадьбе с женой и детьми. Это стремление не могло не сказаться на формировании эстетического идеала в его творчестве. Поэтому *усадебный текст* у Достоевского заслуживает системного изучения в рамках целостной художественной вселенной писателя.

Достоевский прекрасно видел изъяны реальной русской усадьбы своего времени [подробнее см.: Богданова 2022]. Да и «райские» воспоминания о Даровом навсегда омрачились для него печальными событиями: смертью матери в 1837 г., слухами о связи отца с дворовой девушкой и о его убийстве крестьянами на территории поместья в 1839 г. Проследивая развитие темы усадьбы в художественном творчестве Достоевского, в настоящей статье мы рассмотрим роман «Бедные люди» (1846).

Вглядевшись в сюжет произведения, обнаружим его рамочный характер: в прошлом времени действия — *лесная* усадьба, в которой выросла главная героиня, в будущем — *степная* усадьба, куда она уезжает жить с мужем, в настоящем — Петербург. Получается, что петербургские картины даны в усадебном обрамлении, которое, однако, неоднородно. Случайно ли это? Попробуем разобраться. В одном из писем к

Макару Алексеевичу Варенька Доброселова, бедная сирота, обиженная девушка, вспоминает об усадебном детстве как о «самом счастливом времени [своей] жизни» [Достоевский 1: 27]:

Батюшка был управителем огромного имения князя П—го, в Т—й губернии. Мы жили в одной из деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо... Я была такая резвая маленькая; только и делаю, бывало, что бегаю по полям, по рощам, по саду <...>. Бывало, с самого раннего утра убегу или на пруд, или в рощу, или на сенокос, или к жнецам — и нужды нет, что солнце печет, что забежишь сама не знаешь куда от селенья, исцарапаешься об кусты, разорвешь свое платье, — дома после бранят, а мне и ничего. И мне кажется, я бы так была счастлива, если б пришлось хоть всю жизнь мою не выезжать из деревни и жить на одном месте. <...> Как тяжело было мне привыкать к новой жизни! Мы въехали в Петербург осенью. Когда мы оставляли деревню, день был такой светлый, теплый, яркий; сельские работы кончались; на гумнах уже громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц; всё было так ясно и весело, а здесь, при въезде нашем в город, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новых, незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых! [Достоевский, т. 1: 27].

В этом описании — контраст между столичной и усадебной жизнью. Усадьба здесь — идеал, потерянный рай, к которому героиня продолжает стремиться душою¹. О том же — в письме Вари к Макару Алексеевичу от 3 сентября:

Как я любила осень в деревне! <...> Я помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, было озеро. Это озеро <...> было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь! Бывало, если вечер тих, — озеро покойно; на деревьях, что по берегу росли, не шелохнет, вода неподвижна, словно зеркало. Свежо! холодно! Падает роса на траву, в избах на берегу засветятся огоньки, стадо пригонят — тут-то я и ускользну тихонько из дому, чтобы посмотреть на мое озеро, и засмотрюсь, бывало. <...> Я так любила осень, — позднюю осень, когда уже уберут хлеба, окончат все работы, когда уже

¹ Это было замечено многими исследователями. См.: [Виноградов]; [Гроссман]; [Нечаева] и др.

в избах начнутся посиделки, когда уже все ждут зимы. Тогда всё становится мрачнее, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краям оснеженного *леса*¹, а *лес* синее, чернеет, — особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения. <...> Прибежишь, запыхавшись, домой; дома шумно, весело; раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак щелушить. Сырые дрова трещат в печи; матушка весело смотрит за нашей веселой работой; старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмемся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало! <...> Утром встанешь свежа, как цветочек. Посмотришь в окно: морозом прохватило всё поле; тонкий, осенний иней повис на обнаженных сучьях; тонким, как лист, льдом подернулось озеро; встает белый пар по озеру; кричат веселые птицы. Солнце светит кругом яркими лучами, и лучи разбивают, как стекло, тонкий лед. Светло, ярко, весело! В печке опять трещит огонь; подсядем все к самовару, а в окна посматривает продрогшая ночью черная наша собака Полкан и приветливо махает хвостом. Мужичок проедет мимо окон на бодрой лошадке в *лес* за дровами. Все так довольны, так веселы!.. Ах, какое золотое было детство мое!.. [Достоевский 1: 83–84].

Как известно, в Петербурге Варенька потеряла родителей, попала в руки сводни и была обещана богатым помещиком Быковым; ей удалось скрыться от них на съемной квартире благодаря помощи своего дальнего родственника, мелкого чиновника Девушкина, переписка с которым составляет основу произведения; заканчивается роман тем, что Варенька выходит замуж за Быкова и уезжает в его усадьбу, «степную деревню», где он будет «зайцев травить», т. е. охотиться [Достоевский 1: 100]. В достоевсковедении этот «счастливый <...> исход» часто воспринимается как «смертный приговор» [см.: Ветловская 2020: 11] главным героям романа:

¹ Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой. — О. Б.

Скорая и страдальческая смерть Вареньки и Макара Алексеевича, не выраженная ни одним прямым мотивом, разумеется *сама собой*: это *единственно возможный* исход из последовательности изображенных автором событий и вовлеченных в них характеров [Ветловская 2020: 26].

Мы не согласны с такой интерпретацией. Вспомним, что, несмотря на грубость и прагматизм будущего мужа, свою полную от него зависимость и страх перед новыми обстоятельствами, Варенька решительно и бесповоротно (и это подчеркнуто в романе), принимает предложение Быкова — ведь благодаря ему она сможет покинуть чужой для нее Петербург и возвратиться к любимой деревенской жизни. Примечательно, что героиня, вопреки обыкновению, не просит совета у Макара, но обдумывает все одна: «Решение, которое вы прочли сейчас, неизменно» [Достоевский 1: 101]. В самом деле, Макар Алексеевич — убежденный петербургский абориген: «Хорошо жить на свете, Варенька! Особенно в Петербурге» [Достоевский : 96]; он представляет себе русскую деревню абстрактно, в соответствии со стереотипами своей чиновничье-городской среды, европеизированной на низовом уровне и далекой от самобытной жизни глубинной России:

Да вы знаете ли только, что там такое, куда вы едете-то, маточка? Вы, может быть, этого не знаете, так меня спросите! Там *степь*, родная моя, там *степь*, голая *степь*; вот как моя ладонь голая! Там ходит баба бесчувственная да мужик необразованный, пьяница ходит. Там теперь листья с дерев осыпались, там дожди, там холодно, — а вы туда едете! [Достоевский 1: 107].

Категоричность его суждений о незнакомом предмете (до этого он не раз признавался в своей «неучености» и малой начитанности [Достоевский 1: 21, 56, 59], да и никуда из Петербурга, по-видимому, не выезжал, непрерывно служа в течение 30 лет) и взгляд свысока на деревенскую жизнь, на крестьянство и труд на земле, на *степные* пространства России как дикие (варварские, азиатские), — выдают снобизм жителя европеизированной столицы по отношению к обитателям патриархального захолустья. Да и логика в этом высказывании хромает: как может сочетаться «голая степь» с облетевшими «деревьями»? Макар демонстрирует свои ограниченность, предвзятость. Одновременно им движет понятный страх потерять Вареньку, наконец-то обретенного

родного человека, страх надвигающегося одиночества. В этом герою, без сомнения, можно посочувствовать, но его стремление удержать Вареньку любыми способами все же представляется эгоистичным. Нет в его любви того великодушия, которое явлено в пушкинском: «...Как дай вам Бог любимой быть другим» [Пушкин 3: 128]. Если служанка Федора замечает по поводу предложения Быкова, что Вареньке «своего счастья терять не нужно» [Достоевский 1: 101], то Макар Алексеевич восклицает: «Я-то, я-то как же один останусь?» [Достоевский 1: 102].

Для Вареньки, выросшей в окружении природы и русской крестьянской жизни, в лоне уютной, теплой, семейственной *усадебной культуры* с ее трогательной сентиментальной атмосферой, Петербург — чужой холодный мир, в котором она заболевает и чахнет. Мысли о неминуемой смерти посещают героиню задолго до конца романа, до предложения Быкова, сделанного примерно 20 сентября. Так, 11 июня она пишет Макару: «когда я была больна, мне всё казалось, что я умереть должна и что умру непременно» [Достоевский 1: 46]; 27 июня — «Я чувствую, я знаю, что скоро умру. Кто-то меня похоронит?» [Достоевский 1: 55]; 3 сентября — «Знаете ли, у меня есть какое-то убеждение, какая-то уверенность, что я умру нынче осенью. Я очень, очень больна» [Достоевский 1: 84]. И как раз встреча с Быковым 15 сентября и затем его предложение, дающее возможность уехать из губительного для нее Петербурга, вселяют в Вареньку надежду на новую жизнь, причем в любимой ею сельской местности, в милом сердцу усадебном пространстве. Жизненный кругозор Вареньки очевидно шире, чем у Макара, знающего лишь скудное петербургское житье и однообразную, отупляющую службу в департаменте.

К тому же не стоит отождествлять мнения автора и его персонажа. Как отмечает И. Д. Якубович, в «Бедных людях» «каждый из героев интересен автору своим взглядом на мир, и только в совокупности они дают возможность составить объективное представление о позиции писателя, что не сразу было понято современниками и о чем писал сам Достоевский: “<...> Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я” [Достоевский 28.1: 117)]» [Якубович: 95]. В самом деле, из двух главных героев «Бедных людей» только Макар в беспросветном отчаянии от предстоящего отъезда Вареньки из Петербурга. Именно из его уст звучит мысль о возможной смерти героини в «степной деревне» Быкова:

Вы там умрете, вас там в сыру землю положат: об вас и поплакать будет некому там! <...> Ведь вас там в гроб сведут; они заморят вас там, ангельчик [Достоевский 1: 107].

Во-первых, это предположение нелогично: Быков женится не для умерщвления супруги, а для рождения наследника. Кроме того, сама Варенька, будучи в тревоге и страхе перед неизвестностью, тем не менее о предстоящей смерти больше не заговаривает ни разу! Напротив, несмотря на грубоватую прямолинейность будущего мужа, который при этом достаточно простодушен («сказал, что в деревне я растолстею, как лепешка, что буду у него как сыр в масле кататься» [Достоевский 1: 101]) и без обиняков выкладывает все свои резоны к женитьбе (оставить без наследства племянника, но также и загладить вину перед ранее соблазненной им девушкой), она увлечена приготовлениями к свадьбе, хлопотами о приданом, нарядах. А в день замужества пишет покидаемому другу: «Выпал мой жребий; *не знаю какой*, но я воле господы покорна. Завтра мы едем» [Достоевский 1: 106]. Обратим внимание на то, что Варенька пишет здесь не о смерти, а о будущей жизни, в которой не исключает для себя возможности счастья:

Конечно, я <...> не в рай иду, но что же мне делать, друг мой, что же мне делать? <...> Знает бог, *буду ли я счастлива*, в его святой, неисповедимой власти судьбы мои, но я решилась [Достоевский 1: 101].

Как видим, деревня больше не представляется Вареньке безоблачным детским раем (и здесь, безусловно, сказался опыт самого Достоевского, пережившего ко времени написания «Бедных людей» смерть матери и трагическую гибель отца в Даровом), но все же притягивает героиню. И вот произносится новое слово: «Вы *помещицей* хотите быть, маточка? — спрашивает Макар [Достоевский 1: 107]. Да, он всеми силами души пытается удержать в Петербурге свою «ясочку», ставшую для него источником жизни и без которой он уже не может. Но сама-то Варенька вырывается из смертельного для нее Петербурга, она станет *помещицей* со всеми минусами, но и плюсами этого состояния; скорее всего, станет матерью, что откроет перед ней новые горизонты. Конечно, это не утопический сентиментальный идеал счастья из чувствительных романов, но трезвый реалистичный проект усадебного жизнеустройства, в рус-

ской литературе уже предваренный историей жизни матери Татьяны Лариной, в чьей деревенской гостиной шел «вечный разговор про дождь, про лен, про скотный двор» [Пушкин 5: 48].

Таким образом, вопреки устоявшимся интерпретациям, где голос героя — Макара Девушкина — по сути отождествлялся с точкой зрения автора, мы считаем, что, благодаря будущей жизни в усадьбе Быкова в качестве *помещицы*, перед Варей открывается возможность новой, отнюдь не безрадостной и вполне осмысленной жизни. Судьба же обреченного на одинокое петербургское прозябание Макара действительно незавидна.

Однако этим не исчерпывается семантика *усадебного текста* в «Бедных людях». Обратимся к сопоставлению присутствующих здесь двух *усадебных локусов* в вышеприведенных цитатах из романа. Первый — это *лесная* усадьба Варенькина детства, подробно ею описанная. Она располагалась в средней полосе России, в традиционной с древних времен зоне расселения русского народа, где густые непроходимые *леса* защищали от набегов степных кочевников. Эта огражденная, безопасная местность со старинным жизненным укладом представлялась *идеалом* жизнеустройства, *земным раем*, незамутненной *идиллией*. Более того, *лес* в древнерусской культуре имел сакральное значение, будучи «миром святости, уходом из “человеческого мира” <...> в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы» [Лихачев: 60–61]. Об идиллическом хронотопе усадьбы Вариного детства и ее автобиографическом субстрате — имении родителей Достоевского Даровое — написано достаточно много [см.: Нечаева 1939; Ветловская 1988: 66–68; Даровое Достоевского; и др.]. Для нас сейчас важен *лесной* характер усадьбы Вариного прошлого в сопоставлении со *степной* усадьбой ее будущего.

У *степи* совсем другое смысловое наполнение по сравнению с *лесом*. Степная природная зона, расположенная к югу и востоку от лесной, вошла в состав России позже, присоединялась постепенно: в XVI–XVII вв. это были Казанское, Сибирское и Астраханское ханства, Малороссия; в XVIII в. — Бессарабия, приазовское и причерноморское Дикое поле:

История интеграции малороссийской степи начинается во времена правления Ивана Грозного и окончательно завершается в результате турецкой кампании Екатерины II [Сторожева: 45].

Все это в европеизированной после петровских реформ России считалось «отсталой» и «дикой» Азией, причем не столько по географическому, сколько по социокультурному признаку. Неудивительно, что в XIX в. понятия *степь* и *Азия* стали практически синонимами. Так, в хорошо известной молодому Достоевскому поэме его близкого друга А. Н. Майкова «Две судьбы» (1845) есть строки о волго-уральских степях как территории «татарства» и «воли» [см.: Майков: 365–366]. Автор «Бедных людей» привел одну из строф этой поэмы с упоминанием «саратовских степей» в фельетоне от 11 мая своей «Петербургской летописи» (1847), где Петербург противостоит *лесам* и *степям* «безбрежной русской земли» и в нем людям «нехорошо» [Достоевский 18: 23]; то есть *степь* воспринимается как положительная антитеза городской цивилизации и как неотъемлемая часть России. Об этом прямо сказано и в стихотворении П. А. Вяземского «Степью» (1849), которое можно считать итогом трехвековой интеграции *степи*:

Бесконечная Россия,
Словно вечность на земле
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем;
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит,
<...>

Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола.
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.
<...>

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От нее в душе согретою
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Всё же вам и песнь, и честь!
Всё вы — Матушка Россия,
Какова она ни есть
[Вяземский].

Много веков на степных просторах жили кочевые скотоводческие народы, враждебные лесной оседлой Руси, — хазары, печенег, половцы, затем татаро-монголы, выходцы из Золотой Орды... По мере включения степных земель в состав Российского государства, они приспособлялись к земледелию, раздавались помещикам, населялись крестьянами, наполнялись усадьбами. Вспомним, к примеру, «херсонского помещика» Чичикова из гоголевских «Мертвых душ» или «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, повествующие о многочисленных русских усадьбах конца XVIII — начала XIX в. на осваиваемых для землепашества башкирских угодьях в Южном Приуралье.

Тем не менее еще долго в русской литературе *степь* воспринималась как *воля* и противопоставлялась европейской цивилизации, «неволе душевных городов» [Пушкин 4: 155], — у А. С. Пушкина в поэме «Цыганы» (1824), А. С. Хомякова в стихотворении «Степи» (1828), Н. В. Гоголя в повести «Тарас Бульба» (1833–1842), М. Ю. Лермонтова в стихотворении «<М. А. Щербатовой>» (1840) и др. *Степь* у этих авторов свободна, безгранична, иногда скучна, но чаще — прекрасна, разнообразна, вся в буйном цветении. В очерке И. С. Тургенева «Лес и степь» (1848) из цикла «Записки охотника» *степь* «входит в состав национальных пространственных архетипов наравне с образами леса и реки <...> как элемент русской природы» [Сторожева: 169]. Перечисленные произведения созданы или до «Бедных людей», или на два-три года позже; именно такое представление о степной части России преобладало в литературе в период написания первого романа Достоевского.

Также отметим, что в семантике *степи* русские писатели во многом следовали за Н. М. Карамзиным, в 1816–1829 гг. издававшим в Петербурге свою «Историю Государства российского». В его изложении *степь* во всех ее видах играла громадную роль в русской истории X–XVII вв. Важно для нас и то, что юный Достоевский черпал пред-

ставление о *степи* не только у вышеназванных писателей, но и непосредственно у Карамзина, исторические тома которого вечерами читались в московском семейном кругу Достоевских в течение 1830-х гг. *Степь* у Карамзина предстает в широчайшем географическом диапазоне от Китая до Болгарии [см.: Карамзин]. Однако в литературе конца XVIII — первой половины XIX в. образ *степи* был переосмыслен по сравнению с древнерусскими летописями, хождениями, житиями и историческими повестями, на которые опирался Карамзин: *степь* больше не является источником опасности, а «несет в себе семантику простора и широты», «пристанница для сильных, самобытных людей» [Сторожева: 167].

Среди героев первого романа Достоевского — богатый помещик Быков, готовый увезти Вареньку из Петербурга в свою «степную деревню» [Достоевский 1: 100]. Выше мы приводили слова Макара о ней: «там степь, голая степь; вот как моя ладонь голая!» [Достоевский 1: 107]. Э. М. Жилякова считает, что это аллюзия на роман Н.-Ж. Леонара «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе» [Жилякова: 56]. На наш взгляд, в романе есть и другие коннотации *степи*. В первую очередь, это сам образ Быкова. Начнем с его фамилии, указывающей на степных быков-производителей, могучих независимых животных. Этот герой груб и страстен, но и прям, бесхитроsten, с проблесками совести и даже обладает своеобразным кодексом чести: обеспечивает своего внебрачного сына (студента Покровского), называет «подлой» сводню Анну Федоровну, хотя и пользуется ее услугами, награждает Макара Алексеевича за помощь Вареньке, решает жениться на ней, чтобы спасти от неминуемой смерти в нездоровом петербургском климате.

Последнее требует пояснений, так как нередко поступок Быкова объясняют исключительно его эгоистическим расчетом лишиться наследства «негодного племянника» [Достоевский 1: 100]. Однако Быков может жениться на ком угодно, например на «московской купчихе», и худенькая болезненная Варя — далеко не лучшая кандидатура для матери его наследника. В выборе героя присутствует и другой мотив — «возвратить [Варе] честь»; он не чужд покаянию, называя себя «подлецом»; наконец, он уверяет, что «более в Петербург никогда не приедет, потому что в Петербурге гадко» [Достоевский 1: 100], очевидно имея в виду социальную и нравственную атмосферу европеизированной им-

перской столицы. На наш взгляд, трудно назвать Быкова осознанным, циничным злодеем; скорее, он степной «скиф» [Майков: 377], язычник, обуреваемый «бычьими» страстями; в нем есть что-то от будущего Свидригайлова, с одной стороны, растлевающего юных созданий, с другой — спасающего и Соню Мармеладову, и ее младшую сестренку от гибельной участи проституток. Вот и по мнению К. А. Баршта, Быков — богатый помещик, «совративший молодую девушку (и прикрывающий напускным цинизмом то, что он влюблен в нее), а затем пытающийся искупить свою вину, отзывается в Свидригайлове <...>, готовом отдать жизнь за любовь к Авдотье Раскольниковой» [Баршт: 481]. Один из рецензентов «Бедных людей» в 1840-е гг. писал, что Быков в женитьбе на Вареньке «руководствуется отчасти сердечной склонностью, отчасти беспокойной совестью, а отчасти и расчетом» [Лёве: 309]. Без трагических ожиданий оценивал замужество Вари и А. В. Никитенко: «Она выходит замуж за своего обольстителя, с желанием найти <...> убежище в его доме и общественную честь в его имени» [Никитенко: 274].

Как олицетворение *степи*, Быков выступает катализатором взросления Вареньки, ее инициации, перехода в другое жизненное качество — из *лесной* усадьбы через «временную смерть» Петербурга в привольное *степное* поместье в качестве его хозяйки, *помещицы*. Причем, как и предполагает инициация, Варя проходит через испытание на нравственную стойкость, закономерно сопровождаемое тревогой и страхом. Не случайно Быков, прежде чем явиться к ней с предложением о браке, собирает сведения о характере ее проживания на съемной петербургской квартире и взаимоотношений с Девушкиным. В сюжетной линии Вареньки мы готовы увидеть исторический субстрат, присущую Достоевскому уже в первом произведении историософскую глубину. Поясним высказанный тезис.

Историческая, историософская мысль Достоевского была пробуждена очень рано благодаря чтению Карамзина, под чьим пером история России X–XVII вв. во многом представала как взаимоотношения *леса* со *степью*, лесной оседлости со степным кочевьем, как первоначальная победа *степи* (татарское иго), затем постепенное одоление ее *лесом* и их объединение в едином государстве в течение XVI–XVII вв. В долгие домашние вечера будущий писатель следил за превращением затерянного в *лесах* небольшого Московского княжества — в Московское цар-

ство, уже включившее в себя ряд *степей*; а по учебникам географии и истории XVIII в., которые изучал в детстве и юности, — в Российскую империю благодаря присоединению обширных, в основном *степных* земель на юге и востоке страны. Как установила М. В. Михновец, одним из первых учебных пособий маленького Достоевского было «Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И. А. Гейма в пользу детей, начинающих учиться географии, Т. Каменецким». Это был учебник по всемирной географии с большим разделом о географии России, причем «чрезвычайно важен здесь вопрос о месте и статусе России по отношению к Азии и Европе» [см.: Михновец: 60]. Интересно, продолжает М. В. Михновец, как Т. А. Каменецкий определял Азиатскую Россию, — это «четыре Сибирские Губернии (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская) со своими областями и Приморскими Управлениями, Киргизская степь, примерно полагая 1/3 Пермской, 2/5 Оренбургской, 1/3 Саратовской Губерний и вся Астраханская, Кавказская область с Землею Черноморских Казаков, Грузия с Кавказскими горными землями и Персидскими Провинциями» [Михновец: 61–62]. По мнению исследовательницы, «обзорный анализ учебника Т. А. Каменецкого позволяет сделать вывод, что в основе геополитических воззрений зрелого Достоевского лежали установки, заложенные в официальной географии России того времени» [Михновец: 63]. Как наиболее значимый их источник, отмечена и «История Государства российского» Карамзина. Кроме того, в Главном инженерном училище кондуктор Достоевский изучал «географию европейской и азиатской частей России», где в качестве ведущих учебных пособий у него были «Учебный атлас, состоящий из немых географических карт» и «Географические листы, служащие объяснением к Учебному атласу» [Михновец: 65].

Во многих произведениях Достоевского, в том числе в «Бедных людях», встречаются упоминания о том, что герои изучают одновременно и географию, и историю [см.: Достоевский 1: 31]. И это, по важному для нас наблюдению М. В. Михновец, «не простое перечисление учебных предметов, а отражение своеобразной проблемно-тематической связи между областями знания, существующей в сознании писателя с юности» [Михновец: 66]. Мысль о важности географического фактора в истории России витала в воздухе эпохи, и перипетии борьбы *леса* со *степью* как ее основного событийного ряда находим в первой книге

«Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, изданной в 1851 г. Русская равнина, по описанию историка, представляла собой «на юго-востоке степь, населенную кочевыми племенами, сменявшими друг друга в постоянном стремлении из Азии, на северо-западе — страну, покрытую девственными лесами <...>» [Соловьев: 11]: на ней «ход событий <...> подчиняется природным условиям» и «оседлое население» пребывает в «постоянной борьбе со *степными варварами*» [Соловьев: 10]. Известно, что в 1860-е гг. Достоевский «внимательно читал исторические сочинения Соловьева» [Подосокорский: 66]. Вполне вероятно, что указанные идеи мелькали и в российской периодике 1840-х гг.

Похоже, что уже в свой первый роман Достоевский, возможно бессознательно, вложил эти представления с помощью символического сюжета о пути Вареньки из *лесной* усадьбы — через инициацию Петербургом как воплощением имперской идеи — в *степной* простор с громадными горизонтами. Не передана ли здесь в иносказательной форме, через судьбу обычного человека, общая судьба России, ее исторический рост, ее евразийская миссия? Более того, не указывает ли само имя Варвара, созвучное постоянному определению степных народов в карамзинской «Истории Государства российского» как *варваров*, на *степное* будущее этой героини Достоевского? Как известно, ономастика писателя никогда не была случайной. С помощью знаковых персонажных имен Достоевский-художник «стремился создать второй смысловой ряд, чтобы глубже прописать <...> образы» [Лендова, Новикова: 70].

Разумеется, нам известен отмеченный исследователями автобиографический субстрат имени Варвара в «Бедных людях». Так, по мнению В. Л. Комаровича, «ранняя переписка Достоевского» обнаруживает в нем переживания, послужившие «личным апперцепирующим фоном для сентиментального сюжета как раз тогда задуманного романа “Бедные люди”». Свою сестру в письмах к ней Достоевский называет, как и героиню “Бедных людей”, “Варинькой”, а замужество ее <...> пережил он едва ли не так же, как переживает герой “Бедных людей” <...>» [Комарович: 481]; Г. М. Фридлендер в Примечаниях к «Бедным людям» писал:

По предположению исследователя быта семьи родителей Достоевского и их московского окружения Г. А. Федорова, антагонизм между отцом

Вареньки и Анной Федоровной воспроизводит реальные отношения между гордым и независимым М. А. Достоевским и сестрой его жены Александрой Федоровной Куманиной (1796–1871), в богатом купеческом доме которой воспитывались сестры Достоевского Варвара, Вера и Александра, выданные ею замуж. Прототипом Быкова является, по-видимому, муж сестры писателя Варвары Михайловны и опекун молодых Достоевских после смерти отца П. А. Карепин» [Достоевский 1: 467].

Определенную связь между сестрой писателя и героиней «Бедных людей» отметила и В. С. Нечаева, одновременно указав на недопустимость слишком буквального их сближения, сделанного Г. М. Фридлендером [Нечаева: 143–144]. Л. И. Сараскина пришла к выводу о том, что «Варя Достоевская и Варя Доброселова, семнадцатилетние невесты, и их солидные женихи *не* подобны друг другу» [Сараскина: 137]. Не отрицая некоторого прототипического значения Вареньки Достоевской-Карепиной для главной героини первого романа писателя, заметим, что художественный образ не может быть сведен к своему прототипу, являясь обобщением многих влияний, впечатлений, идей.

Для обоснования гипотезы о символическом переходе героини «Бедных людей» из *леса* в *степь* воспользуемся ретроспективным методом исследования, предложенным выдающимся японским достоевсковедом Т. Кинбситой, в соответствии с которым художественное сознание позднего Достоевского с четко сформулированными смыслами бросает ответ на его более ранние произведения, где эти будущие смыслы находятся в зародыше, в процессе развития [см.: Богданова 2026: 215–220]. Сделаем краткий обзор высказываний Достоевского о *степи* и об *Азии*, появившихся намного позже «Бедных людей». В первую очередь, это «Записки из Мертвого дома» и эпилог «Преступления и наказания», где изображения *степи* основаны на автобиографических впечатлениях: *азиатская степь* «вольная», она олицетворение «вечности» [Достоевский 4: 173; 6: 421]. В Семипалатинске Достоевский побуждал молодого казахского ученого Ч. Ч. Валиханова написать «...статью о *Степи*. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о *степном* быте <...>. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех» [Достоевский 28. 1: 249]. В романе «Подросток» *степь* в речи

Крафта о нежелательности уничтожении русских лесов должна оставаться дополнением, но не замещением *леса* [см.: Достоевский 13: 54]. В «Братьях Карамазовых» сон-инициация Мити о плачущем «дитё» происходит в *степи* как территории духовного кризиса, обретения широкого жизненного пути с новыми смыслами [см.: Достоевский 14: 456–457]. В «Записной тетради 1875–1876 гг.» читаем:

Страшный толчок ожидает общество: дорога в Сибирь, соединение с Сибирью <...>, а в бесплодных *степях* земледелие, усиленное скотоводство и даже фабрики. Россия, соединенная дорогами с Азией, скажет новое слово, совсем новое. Теперь лишь начинается [Достоевский 24: 89].

Наконец обратимся к «Дневнику писателя» за 1881 г. (январь, глава 2) и подготовительным материалам к нему, которые во многом стали завещанием Достоевского. Здесь писатель ратует за строительство железных дорог в «русскую Азию», настаивает на необходимости «поворота в Азию», потому что только в Азии русские приобретут «духовную самостоятельность» [см.: Достоевский 27: 36]. В Азии «создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила. <...> в будущем Азия наш исход, <...> там наши богатства» [Достоевский 27: 37]; «Россия не в одной только Европе, но и в Азии, и <...> в Азии, может быть, больше наших надежд, чем в Европе [Достоевский 27: 70]; необходимо «совершенное изменение доселешнего взгляда на себя как на европейцев и признание, что мы и азиаты, на столько же, сколько и европейцы, даже более, и что миссия наша в Азии даже важнее, чем в Европе <...>» [Достоевский 27: 83]. Другими словами, не отказываясь от *леса*, России необходимо расширяться в *степь*.

На обрисованном фоне кажется отнюдь не случайным практически дословное повторение Достоевским в 1881 г., в полемическом контексте, высказывания Девушкина из своего первого романа, опубликованного в 1846 г. Так, рассуждая о богатствах азиатских недр: металлах, минералах, каменном угле, — писатель переходит к земледельческому потенциалу Сибири: наука заставит родить землю, «про которую мы все еще думаем <...>, что это лишь *голая, как ладонь наша, степь*» [Достоевский 27: 37]. Создается впечатление, что Достоевский через полвека оспаривает своего давнего героя, как бы указывая на один из глубинных смыслов «Бедных людей».

Более того, кинетическая энергия заложенной уже в первом романе писателя-пророка историософской концепции, окончательно развернутой лишь в 1881 г., реализуется далеко за пределами его жизни и творчества. Соседство *леса* и *степи* в русской истории было прослежено В. О. Ключевским в начале 1900-х гг. [см.: Ключевский 1: 82–85, 172, 204, 284]. В 1920-е гг. в русской эмиграции зародилось движение евразийства, в историософии которого первостепенное значение придавалось географическому фактору. Так, Г. В. Вернадский в работе «Начертание русской истории» (1927) писал:

географической основой русской истории является соотношение *лесной* и *степной* полосы, протянувшихся на несколько тысяч километров по широте через Восточную Европу и северную Азию. Вместе они и составляют «месторазвитие» России как Евразии [см.: Вернадский: 259, 261].

По мысли историка, «русский народ получил два богатых исторических наследства — монгольское и византийское»: монгольское — это евразийское государство, византийское — православная идея. «Оба начала тесно слились <...> в историческом развитии русского народа» [Вернадский: 266]. В книге другого крупного евразийца Н. С. Трубецкого «Наследие Чингисхана» (1925) также говорится о провиденциальном характере освоения *лесным* русским народом *степи*, благодаря чему Россия приобрела евразийский, имперский масштаб. Однако в послепетровский период, при всей внешней мощи России-Евразии, она попала в духовное рабство к Европе. Поэтому нынешняя задача России — «стать самой собой, а не уродливым отображением европейской цивилизации», «создать новую культуру, свою собственную <...>» [Трубецкой: 292]. Написанные 150 и 100 лет назад слова Достоевского и евразийцев не потеряли актуальности и сегодня.

Итак, благодаря проведенным сопоставлениям, казалось бы, случайные упоминания *степи* и *степной деревни* Быкова в «Бедных людях» начинают восприниматься как раннее проявление историософской и геополитической интуиции Достоевского, всю глубину которой русская мысль начала постигать только в XX в.

Список литературы Источники

Вернадский Г. В. Начертание русской истории // Русская историософия: антология. М.: РОССПЭН, 2006. С. 257–273.

Вяземский П. А. Стихотворение // Вяземский П. А. Стихотворения / вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 292–293.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3 кн. (12 т.). СПб.: Золотой век: Диамант, 1997. Кн. 1. (Т. 1–4). 623 с. Кн. 2 (Т. 5–8). 719 с. Кн. 3. (Т. 9–12). 702 с.

Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1987–1990. Т. 1. 430 с.

[Лёве Ф.-Ф. <?>.] [Рецензия на:] Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 305–317.

Майков А. Н. Две судьбы. Быль: поэма // Майков А. Н. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. С. 356–405.

Никитенко А. [Б.] [Рецензия на:] «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. С.-Петербург, 1846. Фрагменты // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 269–278.

Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука 1977–1979. Т. 5. С. 8–184.

Пушкин А. С. Цыганы: поэма // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука 1977–1979. Т. 4. С. 151–169.

Пушкин А. С. Я вас любил...: стихотворение // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 3. С. 128.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–5. СПб.: Общественная польза, 1851. 1726 стб.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.

Исследования

Баршт К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 379–514.

Богданова О. А. Памяти Тоёфусы Киноситы: о научном и личном // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 1 (33). С. 210–232.

Богданова О. А. Русская усадьба в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 136–162.

Борисова В. В., Шаулов С. С., Юхнович Ю. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. Уфа: Печатник, 2021. 268 с.

Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л.: Худож. лит., 1988. 208 с.

Ветловская В. Е. Источники и литературный контекст романа Достоевского «Бедные люди» // Словесность и история. 2020. № 3. С. 7–31.

Виноградов В. В. Сюжет и архитектура романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике «натуральной школы» // Творческий путь Достоевского: сборник статей / под ред. Н. Л. Бродского. Л.: Сеятель, 1924. С. 49–103.

Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: ГАХН, 1925. 191 с.

Даровое Достоевского: материалы и исследования: коллективная монография / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: ИД «Лига», 2021. 543 с.

Жиякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 272 с.

Комарович В. Л. «Весь устремление»: статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / сост. и отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 927 с.

Лендова О. В., Новикова М. В. Ономастика в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 1(28). С. 69–74.

Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие: Новости, 1998. 469 с.

Михновец М. В. Источники знания о географии Российской империи как основа геополитических представлений Ф. М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского. Томск: Изд-во ТГУ, 2021. С. 59–68.

Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М.: Соцэкгиз, 1939. 160 с.

Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Подосокорский Н. Н. «Русская история» С. М. Соловьева в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 64–80.

Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с.

Сторожева А. А. Эволюция степного текста в русской литературе XI–XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2024. 213 с.

Якубович И. Д. Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа: Н. Леонар — Пушкин — Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: ИРЛИ РАН, 2001. Т. 16. С. 80–96.

References

Barsht, K. A. “Literaturnyi debiut F. M. Dostoevskogo: tvorcheskaia istoriia romana ‘Bednye liudi’.” [“F. M. Dostoevsky’s Literary Debut: The Creative History of the Novel ‘Poor People’.”]. *Dostoevskii, F. M. Bednye liudi [Poor People]*, ed. by K. A. Barsht. Moscow, Lodomir, Nauka Publ., 2015, pp. 379–514. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. “Pamiati Toefusy Kinosity: o nauchnom i lichnom” [“In Memory of Toyofusa Kinoshita: On Scholarly and Personal”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, no. 1 (33), 2026, pp. 210–232. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. “Russkaia usad’ba v romane F. M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’.” [“The Russian Estate in F. M. Dostoevsky’s Novel ‘Crime and Punishment’.”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 136–162. (In Russ.)

Borisova, V. V., S. S. Shaulov, and Iu. V. Iukhnovich. "Delo o kumaninskom nasledstve" v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo ["The Case of the Kumanin Inheritance" in the Life and Work of F. M. Dostoevsky]. Ufa, Pechatnik Publ., 2021. 268 p. (In Russ.)

Vetlovskaja, V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo "Bednye liudi"* [F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People"]. Leningrad, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1988. 208 p. (In Russ.)

Vetlovskaja, V. E. "Istochniki i literaturnyi kontekst romana Dostoevskogo 'Bednye liudi.'" ["Sources and Literary Context of Dostoevsky's Novel 'Poor People'"]. *Slovesnost' i istoriia* [Literature and History], no. 3, 2020, pp. 7–31. (In Russ.)

Vinogradov, V. V. "Siuzhet i arkhitektonika romana Dostoevskogo 'Bednye liudi' v sviazi s voprosom o poetike 'natural'noi shkoly.'" ["The Plot and Architectonics of Dostoevsky's Novel 'Poor People' in Connection with the Poetics of the 'Natural School'"]. *Tvorcheskii put' Dostoevskogo* [Dostoevsky's Creative Path]. Leningrad, Seiatel' Publ., 1924, pp. 49–103. (In Russ.)

Grossman, L. P. *Poetika Dostoevskogo* [Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Gosudarstvennaja akademiia khudozhestvennykh nauk Publ., 1925. 191 p. (In Russ.)

Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniia: kollektivnaia monografiia [Dostoevsky's Darovoe: Materials and Research: A Collective Monograph], ed. by A. S. Bessonova. Kolomna, Liga Publ., 2021. 543 p. (In Russ.)

Zhiliakova, E. M. *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844–1849)* [Traditions of Sentimentalism in the Works of Early Dostoevsky (1844–1849)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1989. 272 p. (In Russ.)

Komarovich, V. L. "Ves' ustremlenie": stat'i i issledovaniia o F. M. Dostoevskom ["The Whole Aspiration": Articles and Studies on F. M. Dostoevsky], ed. by O. A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 927 p. (In Russ.)

Lendova, O. V., and M. V. Novikova. "Onomastika v romane F. M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie.'" ["Onomastics in Dostoevsky's Novel 'Crime and Punishment'"]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki* [Current Issues of Modern Philology and Journalism], no. 1 (28), 2018, pp. 69–74. (In Russ.)

Likhachev, D. S. *Poeziia sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens. Towards the Semantics of Garden and Park Styles. The Garden as a Text]. Moscow, Soglasie Publ., Novosti Publ., 1998. 469 p. (In Russ.)

Mikhnovets, M. V. "Istochniki znaniia o geografii Rossiiskoi imperii kak osnova geopoliticheskikh predstavlenii F. M. Dostoevskogo" ["Sources of Knowledge about the Geography of the Russian Empire as the Basis of F. M. Dostoevsky's Geopolitical Ideas"]. *Geopoliticheskaia karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* ["F. M. Dostoevsky's Geopolitical Map and Worldview"]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021, pp. 59–68. (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh* [In the Dostoevsky Family and Estate]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 160 p. (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. "'Russkaia istoriia' S. M. Solov'eva v romane F. M. Dostoevskogo 'Idiot.'" ["'Russian History' by S. M. Solovyov in F. M. Dostoevsky's Novel 'The Idiot'"].

О. А. Богданова. Историософия усадьбы в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»
(*усадьба и лес vs усадьба и степь* в историко-культурной ретроспективе)

Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal, no. 3 (27), 2024, pp. 64–80. (In Russ.)

Saraskina, L. I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 825 p. (In Russ.)

Storozheva, A. A. *Evoliutsiia stepnogo teksta v russkoi literature XI–XIX vv.* [The Evolution of the Steppe Text in Russian Literature of the 11th–19th Centuries: PhD Thesis]. Ryazan, 2024. 213 p. (In Russ.)

Iakubovich, I. D. “Poetika romana ‘Bednye liudi’ v svete evropeiskoi traditsii epistoliarnogo romana: N. Leonar — Pushkin — Dostoevskii” [“The Poetics of the Novel ‘Poor People’ in the Light of the European Tradition of the Epistolary Novel: N. Leonar — Pushkin — Dostoevsky”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research], vol. 16. St. Petersburg, IRL RAS Publ., 2001, pp. 80–96. (In Russ.)